

Галина Соколова

Первые открытия

Мое знакомство с Городком состоялось ночью. Мы с родителями попали туда в канун Рождества. Вернее, не Рождества, а местного декабрьского «Кристмаса». Черт знает, зачем им понадобилось пилить в такую даль (триста с лишним миль – три часа в пути), да еще и через перевал, когда питейных хватало и дома. Но родители у меня русские, а этому населению, как все говорят, сидеть на одном месте скучно. Кроме того, в ту пору мне не минуло и шестнадцати, потому моего мнения никто не спрашивал.

Мы поселились в мансарде некоего дорогого отеля, из окон которой только и видны были разноцветные гирлянды на крыше напротив, да пики занесенных снегом гор. Погуляли по феерически украшенным рождественскими – или, в нашем понимании, новогодними – декорациями улочкам. Их тут раз-два да обчелся. Поужинали в какой-то дешевой забегаловке с громким названием «Щелкунчик» – было там не очень и вкусно. А дальше я увидел хоть отца, хоть мать только утром, когда оба, злые от головной боли, отмокали в джакузи и в голос поносили хозяев за хиленький бойлер, горячей воды в котором хватало разве что на одного. Ну, в самом деле: камин с живым огнем – был, всякие мебели с гнутыми спинками – тоже. А бойлер – на одну помывку! Наверное, администрация отеля считала, что в их узенькую лоханку, по иронии торгового тренда названную громким словом «джакузи», можно было поместиться втроем. С моим папашей, пузо которого возвышалось далеко над ограничивающей воду чертой. Хи-хи!

В общем, с раннего утра я просыпался от громких проклятий и с неудовольствием натягивал на уши простыню. В номере,

несмотря на минус за окнами, жарило, как в духовке, – хитеры щедро качали горячий воздух. И лампы на потолке (я их насчитал больше дюжины) жрали электричество, как бешеные. И тоже мысленно отрывался на странной немецкой практичности. Да, Городок был немецким, точнее, баварским. Эта маленькая Бавария в самом сердце американского штата носила романтическое имя Лилиенфельд и привлекала любителей сосисок и пива со всего побережья. Но я не любил ни пива, ни сосисок, и потому все вечера слонялся по сонным улочкам в ожидании, когда же наконец наш «Лексус» двинет в обратный путь.

И так бы оно и было, если бы... Ну да, если бы не вмешался его величество случай, который и заставил меня потом, уже весной, когда я получил водительские права, самому погнать в Лилиенфельд в один из свободных от школьных занятий день.

Она шла по заснеженной улочке Городка, то и дело скользя своими белоснежными сапожками по скрытой в поземке гололедице, и глаза ее были полны печали. Возможно, мне это показалось? С чего бы печалиться молодой девушке в канун Рождества? В этих усыпляюще-медленных снежинках, что падали к ее ногам, она словно выпорхнула из моих снов. Я как раз домусолил «Страдания юного Вертера», валявшиеся у матери под подушкой, и весь был полон смутных ожиданий – они у меня возникали всякий раз после прочтения очередной любовной ерунды. Дело в том, что наш сосед Джимми, который был основательно старше меня, каждую неделю гонял в Канаду к некоей филиппинке, чем сделал себя притчей во языцех для моих родителей и остальных соседей, а у меня еще девушки не было. Правда, в прошлом году я вздыхал по старшекласснице Келли из нашей школы, но мой платонический пыл быстро иссяк. Ее стал возить на джипе носатый парень из дома напротив, и мою влюбленность как рукой сняло.

...На незнакомке были пушистый белый капюшон и такие же белые сапожки. Напоминала она то ли Белоснежку, то ли Алену Игоревну из новогодних «Чародеев» (родители часто смотрели советские фильмы). А может, и еще кого сказочного – тут я терялся, потому что сказки мне читали разве что в детстве. И если бы

она так отчаянно не скользила, всякий раз всплескивая руками, то я, наверное, и вспомнил бы, кого. Но времени не было – она вот-вот могла и носом зарыться.

– Помочь? – вызвался я, хотя не представлял, что будет, если она изъявит согласие. Город я не знал, проинформируй она меня, что, к примеру, заблудилась, и ее надо проводить на такую-то улицу, я попал бы впросак. Но неизвестная красавица довольно ловко ухватилась за мою руку, повиснув на мне всем своим небольшим весом. Между прочим, я почему-то всегда знал, какой у моей девушки будет цвет лица и какой формы зубы. Ее зубы отвечали всем моим представлениям – они были, как океанские жемчужинки: белоснежные и ровные.

– Я хочу посмотреть гирлянды, а тут так скользко... На Рождество всегда такие красивые гирлянды и всегда такой лед...

И сама потащила меня к огромной полыхающей синими звездами елке. Я повиновался, самым срочным образом придумывая тему разговора. Погода? Банально. Как вас зовут? Вот так с бухты-баряхты – вроде неприлично. А впрочем, была не была, меня ее мнение обо мне не особо интересовало!

– Пол, – сунул я руку в ее тепловатую ладонь. – Пауль типа. Павлик, вообще-то.

– Одно моего чешского друга тоже Пауль зовут, – обронила она запросто, глянув на меня такими пушистыми от мерцающих снежных хлопьев глазами, что у меня защекотало под ложечкой – именно такие я и представлял себе у своей девушки.

– Давай пойдем вон туда, где петушок, – не назвав себя в ответ, потащила она меня дальше. Я понял, что дал маху – мое имя ее не интересовало. Но с какой-то несвойственной себе дерзостью я вдруг брякнул:

– А тебя зовут... Хочешь, угадаю?

Она поправила выбившийся из-под капюшона локон и в ожидании устремила на меня глаза:

– Ну?

Я лихорадочно перебирал в памяти имена, но в голову лезли только Вертер и его Шарлотта.

– Шарлотта?

От изумления она даже поскользнулась и снова повисла на моей руке. При этом мы чуть было не свалились возле елки, опрокинув муляж того самого веселенького разноперого петуха. Хвост у него кто-то, видимо, ободрал в драке.

– Почему Шарлотта? Ты из туристов? Ведь ты не из нашего городишки, – она помогла мне подняться. – Я местных всех знаю.

Я сделал загадочное лицо – я читал, что девушки это любят. И подумал, что мои родители не такие уж лохи – в их книжках можно найти и что-то для себя полезное.

Она еще с пару минут изучала меня. И вдруг торопливо распрощалась:

– Ну ладно, будь здоров, Пауль-Пол, – к моему изумлению, помахала рукой какому-то типу в спортивной куртке, чуть ли не в половину меня старше. И как раз возле того петуха околачивался, делая вид, что просто дышит свежим воздухом. После чего они вместе и ушли. А я остался.

Карма у меня такая: стоит облюбовать девушку, тут же явится какой-то хмырь, который все враз и разрушит. Но я уже давно пробовал себя в стихах, потому расцветенная светодиодами снежная круговерть настроила меня на творческий лад. Баиньки не хотелось.

Вообще-то, ей и самой лет двадцать, угрюмо констатировал я, чтобы не досадовать, хотя меня больше интересовала она сама, чем ее возраст.

Как известно, о человеке можно многое угадать даже по улицам, где он часто ходит. Ничего удивительного – домой я не пошел. Тем более что слоняться в одиночестве по «Лилейному полю» (что и есть Лилиенфельд в переводе на русский) было, что плавать по лиловым облакам. Мое воображение разыгралось не на шутку. Даже недавний казус нисколько меня не удручил. В блужданиях по кипенно-белым улицам появился новый смысл. И я ошалело мурчал себе под нос какие-то совершенно дурацкие песенки и, отстукивая ногой ритмы, представлял, как вдруг... вот возьмет она и станет тонуть (неподалеку протекала какая-то порожистая речка), а я – как Том Сойер – спасу ее. Я неплохо плаваю. Или случится что-то еще, и я ее выручу. Правда, в этом городке,

затерянном среди горных отрогов и исполинских сосен, вряд ли что-то случится. Хотя вот, например: вчера я вышел на террасу в майке и шлепанцах, а дверь возьми да захлопнись, и кричи не кричи – никто бы не услышал, не окажись дома мать. Наш номер, как и прочие в этом отеле, находился от портье в другом крыле. А там по вечерам ни души, потому что люди сюда едут не дома сидеть, а есть сосиски и пить пиво. И танцевать шупплаттлер. Кроме того, напротив нашей террасы – паркинг, где машины стоят до утра. И кому взбредет в голову, что какой-то ненормальный окажется голым зимой на террасе?

В общем, блуждал я таким образом по улицам долго. И были лишь я и город. И тишина. Которую можно было мазать на хлеб, такая она была густая. Бродил до тех пор, пока румяный, как Дед Мороз, полисмен (я прошел мимо него уже в пятый, наверное, раз) не спросил, знаю ли я куда идти.

– Знаю, – отозвался я бодро, потому что заплутаться в этом городке-табакерке было просто невозможно. Тем более теперь, когда я знал, что здесь живет моя девушка.

*

– Этот негодник совсем забросил учебу, – как-то сокрушилась мама, обнаружив в моем рюкзаке отпринтованные листки со стихами на английском. Я сочинял их всю зиму, потому что снова увидеть Шарлотту стало моей идеей фикс. Все это время я жил как бы с крыльями. Душа моя постоянно блуждала меж звезд, выглядывая оттуда Шарлотту – сверху ведь видней. И странички со стихами выскакивали из челюстей принтера почти каждый вечер. Может, если бы мы ездили в Городок чаще, моя муза упорхнула бы куда-то в другую сторону. Но шли густые снегопады, дорога в Лиленфельд стала опасной, и перевал закрыли.

– Нормальные стихи, чего ты? – не согласился папа. И тиснул одно в ближайшем номере своей газеты под рубрикой «Творчество молодых». Когда-то он тоже рифмовал и даже сдуру окончил славянскую лингвистику, которая тут, в американском дампе, была никому не нужна. Но все равно льстил себя надеждой, что хоть из меня в этом плане будет толк. Я с гордостью прочитал

свое имя на вошеной страничке рождественского номера, который для православного населения выходил на пару недель позже католического. И был потрясен новизной и выразительностью каждой своей строфы, после чего ходил по школе гоголем. Самые первые стихи у меня были посвящены той хорошенькой старшекласснице. В них было что-то про ее шейку и рыжие волосы. Но напечатали именно эти, про Снегурочку, у которой то и дело скользили сапожки.

– Кто-о-о? – вылупился на меня сосед Джимми, не донеся до рта недоеденный сэндвич. – Что за Снегурочка?

Он был парень простой и русских сказок не читал. Когда он увидел мешок подарков в руках нашего красноносого старца в длиннополой шубе, он прямо офонарел.

– У ваших и Санта Клаус пьяный?!

Стихи мои, насколько я теперь понимаю, были никудышные, но соседу они понравились, и он даже взял парочку себе, чтобы подарить своей филиппинке.

Дружба с Джимми завязалась у меня еще летом, когда он чуть было не затащил меня на дискотеку. Вообще-то, до двадцати одного туда не пускают. Но Джимми сунул мне свой ай-ди, надеясь потом проскочить по второму – у него их оказалось два. Хотя лицом мы были немного схожи, рисковать я не стал – все-таки тридцать восемь, как указано в его ай-ди, мне не дашь. Хотя в коварном вечернем освещении он выглядел куда моложе. Но я, заглянув через стеклянную дверь, объявил ему, что мне здесь не нравится, – какие-то потные жирные девки, хмельные парни... Потому что, если бы меня засекли, возникла бы куча неприятностей. Родители как раз укатили к каким-то своим приятелем, а оставлять детей одних (у нас тут до совершеннолетия все дети) запрещается. Джимми был нашим соседом напротив и часто приглядывал за мной, пока старших не было дома. Постепенно мы сдружились. Разница в возрасте его особо не смущала, а по виду я был даже внушительнее – метр девяносто против его метра восьмидесяти. Но был он сухопарый, стройный – и из-за этого казался выше, чем был. Кроме того, он играл в баскетбол и плавал, как дельфин. А потом съедал целый яблочный пирог – и оставался сухопарым.

Кое в каких делах у него опыта было куда больше, и, случалось, он демонстрировал мне свою поцарапанную грудь, многозначительно поверяя, что не поладил со своей филиппинкой. При этом он усиленно мне подмаргивал. И, запивая свои рассказы безалкогольным пивом, трепал про свои запои. Все они остались в прошлом, потому что одно время от него стали открещиваться все работодатели. Боясь оказаться бездомным под мостом, Джимми принял курс лечения, зашил и с алкоголем завязал. По этой причине мои родители меня ему и доверяли. Но о запоях он рассказывал с удовольствием и особенно рекомендовал филиппинское пиво «Сан-Мигель», которое предпочитала его подружка. С девушками у взрослых парней всегда проблемы – никто не хочет нищевродов, у которых нет собственного жилья, а Джимми жил в съемном апартаменте-студии.

Томиться в обществе кого-то старше себя и слушать про его престарелых подружек было занято. Ей за тридцать, и она никогда не была замужем. Джимми взял ее девственницей – так принято у филиппинок: до свадьбы ни с кем. Но свадьбы-то как раз не было! Некоторые пикантные подробности разогревали мое воображение. Как-то после таких его рассказов одна известная кинодива почти наяву целовала меня в живот, куда-то ниже пупка. И это было сладостно-приятно! Хотя на девчонок я и внимания не обращал, а если о них заходила речь, бросал с миной глубокого пренебрежения: «Мне эти девки – во!». И приставлял ребро ладони к горлу. На что Джимми плотоядно ухмылялся и поглядывал на меня вроде как даже с завистью. Потому что, если уж честно, вся его жизнь состояла, в основном, из работы, которую он панически боялся потерять. Работал он где-то в порту, а вообще, по образованию был пожарником.

Я делал вид, что ничего этого не вижу. Хотя сам только и ждал получения водительских прав, чтобы вернуться в тот немецкий городок, на этот раз одному. Ведь если в твоей жизни что-то складывается не как у других, значит, жди чуда – это я где-то читал.

Мы общались с Джимми чуть ли не год: вечерами моим родителям дома не сиделось, а ему не с кем было поговорить. Американцы не большие любители навещать друг друга, и встречаются

только в барах. Но там дорого. И никого твои дела не интересуют. А тут – нате вам: свободные уши, да еще и я сам, всегда готовый посмотреть за его дворнягой!

Кто-то из бывших руммейтов Джимми не выдержал здешней американской тоски и умотал назад в Тюмень, оставив на его попечение своего ожиревшего от безделья пса со странным именем Ельцин-Гад. Мордой пес, и правда, походил на опухшего от пьянок гада Ельцина. Но такие нюансы были не для Джимми. Он просто переименовал собаку в Эльгато (хотя по-испански «el gato» – кот) для языкового удобства.

Так Джимми и жил – он да Эльгад, как называл пса я. И когда уезжал к своей филиппинке, с Эльгадом я и нянчился. Пес имел сквальжный характер и требовал постоянного к себе внимания. Потому я носил ему дорогой «органик», собачий корм. И водил его гулять.

– А если у нее еще и дом свой появится, так и быть, женюсь, – пообещал Джимми, раздумывая о дальних перспективах – своих и Эльгадовских.

И когда я, уже с водительскими правами, да со все еще неиссякшим желанием скатать в «Лилейное поле», отказался от взятой на себя повинности сидеть с его псом, он был вне себя.

– Ты что?! – вознегодовал Джимми, будто сам только что не собирался семь верст киселя хлебать до канадской границы. – Да ты и имя ее не знаешь! Шарлотта, ну так – Шарлотта. А сама небось какая-нибудь Келли, Кристи или того хуже – Бекка.

Имя Бекка означало «заманивающая в ловушку»...

– Много ты понимаешь, – не замедлил я восстать. – Никакая не Кристи, и тем более не Бекка! Возможно, Анджелика. Ангел. В крайнем случае Салли, а сало – оно полезное... как и салки.

Джимми покрутил пальцем у виска, но спорить не стал. К тому же, малоудачную шутку про сало он и не понял. Он вкальвал в порту и сала сроду не видел. И в салки не играл. И книг никогда не читал.

Но надулся. Весь его взъерошенный вид давал понять, что между мной и им пролегла опасная трещина, которая может разломать нашу мезальянскую «дружбу».

Я уже был возле самой двери, когда и его Гад-Ельцин шкрябнул лапой мою кроссовку. Он нервничал – хозяин продолжал теревить ключи от машины, а я того гляди переступлю порог. С кем же останется Гад?! Пес настороженно переводил свои маленькие черные глазки с красными точками в уголках с меня на него и с него снова на меня. Он уже привык, что раз в неделю мы остаемся вдвоем и бегаем по комнате – играем в салки. Это было весело. И сейчас не мог взять в толк: почему я ухожу?! Ну а мне было абсолютно до фонаря, что думает пес, и едет ли Джимми в Канаду к надоевшей филиппинке. Мне предстояла встреча с Шарлоттой.

– Ладно, езжай, – обиженно хмыкнул Джимми. – Но знай: все бабы – дряни.

И захлопнул дверь. Джимми имел отвратительную привычку обобщать.

Так и понесся я снова по тому же сероватому серпантину дороги между двух отвесных скал, на которых лепились пики молодых елок. Из окон машины, пробивая узкие лучи солнца, к горным вершинам взвивались золотые трубы фанфар – родители любили классику. Сам же я еще особо не решил, что именно люблю. Я просто слушал и вспоминал, как однажды мы ходили на балет, и там тоже звучало нечто подобное. Чайковский вроде. В Америке Чайковского любят, и, наверное, если бы не его уж сильно русская фамилия, давно бы присвоили себе. Давали «Щелкунчика» – детскую рождественскую сказку, которую американцы дают в декабре везде, потому что, наверное, тоже других не знают. Мы сидели в темноте, а сцена была ярко освещена, и по ней носилась на цыпочках сказочная девочка в пышной юбке. А рядом со мной смутно белело платье какой-то молодой женщины, чем-то напомнившей мне сейчас Шарлотту. Тогда я даже не заметил, что балет кончился и пора уходить.

Я и сейчас время не зафиксировал. И три часа дороги показались мне несколькими минутами. Хотя выехал часов в семь утра, когда еще было хмуро, и розоватый туман стелился прямо под колесами. А сейчас почти белый шар солнца светил в самое темя.

...И чего ради мчался я туда, в тот маленький городок, в котором у меня никого не было? Кто сейчас разложит это на причины и следствия?

Теперь-то я понимаю, причина была в том, что мне хотелось поскорее вырасти. Меня гнала тайная сила моего тела – чувственность, разогретая рассказами Джимми. И в то же время жажда идеальной любви, про какую я читал в книжках. Я был свободен и дерзок. Какими бывают все юные, грешные и одновременно невинные, которых жизнь еще не зацепила своими когтями. Плюс: в Америке от скуки можно было рехнуться, тем более подростку – заняться-то нечем, все дорого и малодоступно, кроме травы и кокаина.

«Неужели я снова увижу ее? – думал я, тормозя на парковке вблизи главной улицы и таращась на расписанные красками стены совершенно кукольного городка. – Неужели это возможно?»

Я боялся, что вообще простою впустую, и что никакой Шарлотты здесь нет и не было, потому что она – плод моего воображения. И чтобы не выглядеть перед самим собой полным идиотом, я отправился в кафе и уселся так, чтобы наблюдать в окно всю улицу. Люди по ней сновали, как муравьи возле муравейника. Много людей. Но среди них не было никого, кто хотя бы отдаленно ее напоминал. Мне даже не верилось, что она вынырнет из моего фантастического бреда – именно так сосед Джимми окрестил мои надежды. Потому что сам он понимал отношения между мужчиной и женщиной исключительно как отношения плотские. И если мою Шарлотту нельзя пощупать, значит, это просто «бла-бла-бла». Иногда я с ним даже соглашался. Хотя все эти зимние месяцы воровал из bookstore – книжных магазинов – учебники и загонял их студентам за полцены. Благодаря такой не вполне одобренной моей совестью операции сейчас у меня в кармане уютно свернулось золотое колечко с кубиком циркония, которое я жаждал ей подарить. Стыд меня не особо мучил – воровал да и воровал. От них не будет. Это же прямо беспредел: в Америке со вчерашних школяров дерут по 40-50 долларов за один учебник. За один! А сколько их надо на каждый курс обучения? За 4-5 лет! А тетради-ручки? Узаконенная коррупция!

Хотя... Ну а если я не найду Шарлотту, что делать с этой ненужной мне безделушкой?

Так я сидел и выматывал самому себе кишки.

И можете представить радость, когда, еще не прожевав сосиску, я вдруг увидел, как толпа расступилась, и она, будто Афродита из пены морской, ступила на порог того самого кафе, где сидел я.

– Хай, Шарлотта! – стараясь выглядеть независимо-бывалым, хрипловато промычал я и, чуть не опрокинув стул, махнул ей рукой.

Но она меня не услышала.

– Две порции сосисок «to go», – сказала она, водружаясь на стул. Минут десять подождала, торопливо хлебая из прозрачного, как тот лед зимой, стакана. И, схватив долгожданную коробку с заказом, снова ускользнула из поля моего зрения.

– Официант, счет! – пришел я в отчаянье, потому что медлительный немец так долго проверял что-то на экране компьютера, а потом так аккуратно это вписывал в чек... Бросив на стол десять долларов, я ринулся за Шарлоттой.

Я нагнал ее возле одного из кукольных домиков, в дверь которого она чуть было не улизнула, и, крепко ухватив ее за свободную руку, брякнул первое, что пришло на ум:

– Шарлоттапошлинащелкунчика...

Она растерянно уставилась на меня, пытаясь выдернуть руку. Но – дудки! Я-то знал, что интеллигентность – свойство хлюпиков, и держал ее крепко.

– Ты кто? – выдохнула она, не сводя с меня пушистых глаз, которые столько времени виделись мне в моих мучительных снах.

– А? – опешил я, все так же не желая терять ее руку. – Ааа... Ты меня не узнала?

Она хлопала непонимающими глазами. Вот же черт!

– Я... это. Я – Пол! Пауль. Павлик. Помнишь: зима, петух, гололед. Ты еще скользила и падала... Это был я!

– Ааа, – теперь уже она протянула озадаченно, и в ее взгляде появилось что-то осмысленное.

– Так, это... – я не знал, как ей заговорить зубы, потому что – убей меня – опять не мог придумать ничего путного, кроме того, что уже сказал. И, отчаянно краснея, промямлил: – Это... На «Щелкунчика» пошли?

– О, май гот, – засмеялась она. – Так это же вечером! «Щелкунчик» открывается только на ужин. Ладно, давай у самой высокой елки в семь. Пока!

И убежала. А я, будто пришибленный, еще долго стоял и все не мог решить кроссворд: почему «Щелкунчик» открывается только на ужин? Что это вообще может даже значить? И кому она несла те сосиски? Мужу? А как же тогда театр? Или не мужу? А кому? Кого кормить? Не придет? Или придет? Или это не имеет никакого значения?

Наверное, у меня был странно-идиотический вид, потому что она пришла, бесшабашно размахивая сумкой, из которой торчали покупки, и среди них – громадный пакет чипсов. И хотя я разлетелся к ней все с той же безотчетной нежностью, но какая-то двойственность моего состояния сказала в том, что я на этот пакет взглянул с неожиданным для себя разочарованием. Все было так и не совсем так. Ни сосиски, ни тем более чипсы не укладывались в мои представления о ней. Моя девушка должна была питаться амброзией, нектаром. Она должна была индуктивно отражать мое высокое психическое напряжение и принять его форму, как принимает вода форму вазы. А этого не было! Йеэз!

– Так ты в театр звал?! – уставилась она на меня с нескрываемым разочарованием. – Но ведь там даже столиков нет...

И обескураженно переступила с ноги на ногу.

– Ладно, пошли, – после минутного сомнения все-таки согласилась она. – Но уж лучше бы в кино. Там хоть чизбургеры продают.

И у меня заныло где-то в животе. Или в сердце? И ныло оно потом все первое действие, до самого антракта. Потому что слева от меня сидела девушка. В белом платье! Белоснежка. И глаза ее были устремлены на сцену с таким вниманием, что я преисполнился умиления и благодарности. Может, я ошибся и принял за свою совсем чужую мне Шарлотту? Я скопился вправо. Шарлотта несколько удивленно смотрела на сцену, хрустела чипсами и качала ногой. Кроме того, у нее оказался чересчур большой нос. А разглядеть это можно было только в профиль.

После того как занавес закрылся, и все двинулись к выходу, я попытался не потерять свою соседку слева из виду, но Шарлотта, громко хрустя чипсами, принялась что-то болтать...

– А я было подумала, ты приглашаешь меня в ресторан «Щелкунчик»! На Фронт-стрит. Он у нас самый престижный и дорогой, я никогда в нем не была... – донеслось до меня. – А я голодная! Хорошо хоть продукты домой не занесла – тут и поела. Предупредить же надо...

Я вспоминаю ту девушку-Белоснежку с безнадежностью, потому что совершенно запамятовал ее лицо. Мне ведь виден был только ее контур. Такой тонкий и нежный. Как и должен быть у моей девушки.

Но она... исчезла. Я еще много раз ездил в Городок в надежде столкнуться с ней. Но так и не столкнулся. Попадались другие. Но не она. А Белоснежку я больше и не видел. Наверное, у меня такой потомственный ген – искать идеал.

«А! Те же яйца, только в профиль, – хмыкнул Джимми, который был очень удивлен, что я все-таки нашел мою Шарлоттку. Хотя я ему объяснял, почему она уже не моя. Но ему это было пофиг. Он с удовольствием поглощал свой яблочный пирог, заливая его кока-колой. – Ты слишком большой придумщик, Пол. Продай-ка лучше мне колечко, я своей загоню. Сколько оно, баксов тридцать? Загоню за пятьдесят. А что, если никаких отношений с дамой, зачем кольцами разбрасываться?»

И откусил еще один кусок от пирога.

А я сделал первое в своей жизни открытие – взрослые совершенно не понимают нас. Любовь не имеет ничего общего с отношениями. Любовь – это состояние.

Я вернулся домой поздно. Мои домашние из-за меня опять не поехали на парти и были очень расстроены. Из чего я еще и заключил, что настроение – это уровень серотонина, при его нехватке в кишечнике люди смотрят на мир особенно мрачно. Потому американцы так много едят. И потому же они такие толстые. Я залез в холодильник и съел все, что там нашел. Стало намного легче.

«Загоню своей за пятьдесят баксов, чего кольцу пропадать?» – вот и вся любовь американская.

Ночью мне снились дома. Много домов, насквозь пронизанных окнами. В которые заглядывала только луна. Никого другого не интересовала жизнь в этих слепых глазницах. Слишком много там было всяких шкафов, холодильников, стен и перегородок. А я лежал и мучительно думал о своей отчаянной потребности в любви.

